

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ ЕСИН

Жизнь Сергея Есина – это и его собственная судьба, его творчество, ибо он, в отличие от иных писателей, не отделяет свою личную жизнь от своей литературной жизни. У него всё едино, даже в самых придуманных романах, таких, как “Имитатор”, “Соглядатай”, “Маркиз” или “Гувернёр” писательская выдумка, писательский вымысел произрастает из писательского жития. Он внимательно наблюдает за жизнью, он внимательно наблюдает за литературой, театром, живописью, из этих конкретных наблюдений и произрастают его романы.

Когда-то, году в 1969-м, в журнале “Волга” он опубликовал свою первую повесть “Живём только два раза”. Как и положено начинающему писателю того времени, он написал повесть о фронтовике, который работал грузчиком, да к тому же ещё умудрился стать моделью для памятника советскому солдату. Уже конфликтная ситуация, уже момент игры, но пока ещё не своей. Так начинало всё его поколение – с уроков, взятых у старших. Не протолкавшись в московские журналы, все тогдашние “сорокалетние” начинали печататься или в провинциальных журналах, как В. Маканин, А. Курчаткин, В. Личутин, или уже дожидались к сорока годам выпуска своих первых книг.

Сергею Есину ещё повезло. После первой повести в “Волге” был пусть и спустя десятилетие опубликован в самом популярном тогда молодёжном журнале “Юность” рассказ “При свете маленького прожектора”. Ну, а уже с повестью в той же “Юности” под загадочным названием “Р-78” писатель получил первую известность. Читатель постепенно догадывался, что речь идёт о современном Растиньяке-78, ловком и пронырливом таксисте. Но, на мой взгляд, это ещё было лишь началом пути Сергея Есина к самому себе, к своему стилю, к своим героям. Впрочем, уже тогда писатель уделял много времени детализировке, “вкусному” описанию подробностей. Позже это пристрастие к описанию мелочей и подробностей жизни станет фирменным знаком Сергея Есина. От описания одежды до подробного описания процесса приготовления пищи, от путевых впечатлений до метких реплик в адрес друзей-писателей.

Окончательно Есин стал знаменитым в 1985 году, когда в “Новом мире” появился его “Имитатор”. Это уже была его проза с его героями, взятая из окружающей его жизни.

Роман “Имитатор” я бы назвал первым символом писателя Сергея Есина. Самым мощным его *выдуманным романом*. Парадоксально, по писательской технике, по мастерству, по изобретательности конфликтов его поздние *выдуманные романы* гораздо более качественны и напряжены. Но, может быть, даже немного лобовой, простецки игровой “Имитатор” более всего первичен и жизнеспособен, он и выигрывает своим попаданием в десятку, выигрывает рождением яркого художественного типа, что удаётся в жизни далеко не каж-

дому даже крупному писателю. Думаю, сам писатель позже не раз завидовал своему первому роману. Позже он вспоминал: “Написал я много, думаю, книг двадцать. Кроме романа “Имитатор”, написал ещё романы, связанные с деятелями искусства: “Временщик и временитель” и “Соглядатай”, один роман-антиутопию... “Эффект близнецов”. Эти романы были написаны значительно лучше, чем “Имитатор”, но именно “Имитатор” принёс мне, как я уже говорил, популярность, его прочитала вся тогда ещё огромная страна...”

Иногда бывает такое в жизни писателя. Удаётся первая крупная вещь. А потом всю жизнь писатель не может её перешагнуть. Как, к примеру, хороший писатель Павел Крусанов с “Укусом ангела”. Уже десять книг написал, а все помнят лишь “Укус ангела”. Так ранняя проза писателя может убить его самого.

Помню, все околелитературные читатели после выхода “Имитатора” долго спорили, кто же был прототипом: Илья Глазунов, Шилов, Вучетич... Не понимали главного: в романе вскрыт по-современному вечный конфликт ремесленника и творца, крайне обострённый и в наше время.

Серый посредственный ремесленник, используя конъюнктуру и свои связи, становится новомодной знаменитостью. Включите сегодня телевизор, откройте газету – они полны *имитаторов*, так блестяще описанных молодым Есиным. Вся нынешняя Россия переполнена *имитаторами* так что, если и добавлять современные книги в школьную программу, прежде всего, я бы добавил “Имитатора” Сергея Есина. С этим согласен и сам писатель: “Больше всего меня смущает, что “Имитатор”, по крайней мере, на метафорическом уровне, становится сегодня вновь актуальным. Я-то думал, что ушло время, описанные ситуации, типы. Но – наоборот! Проблема выросла, изощрилась. В этом смысле роману, видимо, предстоит, к сожалению, ещё долгая жизнь...”

Может, Сергей Есин и сам со временем устал от успеха “Имитатора”, как ни пытался он завалить это творение грудой новых, блестяще написанных, остросюжетных, почти детективных романов: “Затмение Марса”, “Эффект близнецов”, “Гладиатор”, – но, как трава сквозь асфальт, его “Имитатор” вновь вылезал наружу, поблескивая своими *имитирующими* глазками. Раз уж раскрыл загадку конца XX века, вывел главенствующий тип в позднесоветской жизни, от ЦК до ЧК лишь имитирующий уже давно потерянную веру, так и быть тебе при этом типе наблюдателем. Что Михаил Горбачёв, что Дмитрий Медведев, что временами и нынешний президент – сплошь *имитаторы* и развивающегося социализма, и модернизации, и инноваций, и нынешних нанотехнологий. Ему бы и гордиться надо – Сергею Есину, но талантливому прозаику тесно, хочется вырваться из объятий “Имитатора”. Спасением для Есина стала его собственная жизнь.

Из всего ряда написанных после “Имитатора” *вымышленных романов* я бы выделил явно не схожий с этим рядом роман-антиутопию “Казус, или Эффект близнецов”. Это и на самом деле в каком-то смысле пророческий роман, написанный уже в далёком от нас 1990 году. Тогда он не был никем прочитан, к тому же и вышел в малотиражном журнале “Московский вестник”. Впрочем, даже те, кто прочитал его, скорее всего подумали: “Ну, вот, занесло и Сергея Есина в фантастику!” Я бы сравнил по многим параметрам роман “Эффект близнецов” с романом Евгения Замятина “Мы”, первой блестящей антиутопией XX века, написанной в 1920 году. Кто бы мог подумать, что когда кругом в России царили хаос и революционная романтика, хватало и террора – и белого, и красного, и зелёного, – хватало и разрухи, но не хватало порядка и стабильности, всего лишь через пятнадцать лет всё будет по-другому? Как предвидел европейски образованный инженер и писатель Евгений Замятин, поначалу искренне увлечённый революцией, что прекрасная социальная утопия будет разворачиваться совсем по иному пути? И его *аипоту* – древнейший литературный жанр антиутопии – окажется воплощённым в реальности. Ведь Евгений Замятин действие своего *аипоту* – антиутопии “Мы” – перенёс на тысячу лет вперёд. Житель Монтеррея, мне хорошо знакомый писатель и литературовед из второй эмиграции, мой полный тёзка Владимир Бондаренко писал в предисловии к самому первому изданию романа “Мы”: “Первенство Замятина как писателя-антиутописта, его своеобразие заключается в том, что он коренным образом обновил и видоизменил весь многовековой жанр *аипоту*. Роман “Мы”, написанный, по свидетельству са-

мого Замятина, в 1920 году (“Письмо к Сталину”, июнь 1931), направлен не против литературных проектов счастливого социалистического будущего, не против воображаемых грядущих бедствий; нет, он направлен против самого этого *социалистического будущего*, вполне возможного и уже сделавшего первый шаг к своему осуществлению. Вот почему, несмотря на импрессионистическую, почти сюрреалистическую манеру письма, роман “Мы” производит впечатление жуткой реальности...” И на самом деле, Евгений Замятин предвзрывает логику законченного порядка: “...как могло случиться, что древним не бросалась в глаза вся нелепость их литературы и поэзии. Огромнейшая великолепная сила художественного слова тратилась совершенно зря. Просто смешно: всякий писал о чём ему вздумается. Так же смешно и нелепо, как то, что море у древних круглые сутки тупо билось о берег, и заключённые в волнах миллионы килограммометров уходили только на подогревание чувств влюблённых. Мы из влюблённого шёпота волн добыли электричество, из брызжущего бешеной пеной зверя мы сделали домашнее животное; и точно так же у нас приручена и осёдлана когда-то дикая стихия поэзии”.

Вот и Сергей Есин точно так же в далёком 1990 году, спустя 70 лет после Замятина, когда ещё царил перестроечный хаос, когда никто из политиков не мог знать, кому достанется власть, как будет развиваться Россия, с писательским предвидением описывает нынешнее царство стремления к путинскому порядку и стабильности. Конечно, можно говорить о влиянии на Есина и замятинского “Мы”, и романов Хаксли и Оруэла, но уж предвидеть и предсказать путинскую стабильность в 1990 году не мог бы, пожалуй, никто. Здесь уже заметно не влияние Евгения Замятина, а заметна их одинаковая сила предвидения будущего. Это уже не провокация писателя, не имитация и не стилизация — это угрюмый поход в будущее. Думаю, сегодняшние критики, не разглядев даты написания, поспешно назвали бы этот роман пародией на нынешний режим. Конечно, писатель Мамай похож на самого автора, но кто тогда его бывшая жена, одна из властительниц страны Ламара? Явно выдуманный образ. Да и само описываемое в романе “замечательное время, ныне называемое временем великого равновесия и плодородной стагнации” разве не схоже с нашей действительностью? Ну, уж никак в 1990 году не мог писатель назвать Михаила Горбачёва, управлявшего в то время страной, “Впередсмотрящим, руководившим в строгих рамках Усовершенствования” всего и вся, вплоть до Службы Культуры Речи.

Ну, а то, что страна при этом реально не развивалась и “военно-экономический потенциал Республики был полностью уничтожен”, власть особо не интересовало. Главное, чтобы все граждане выполняли все указания. Народу давались зрелища, за интеллигенцией строго следили, обрабатывая их в Лагерьях по Самоусовершенствованию. У нас пока таких лагерей нет, но модель Счастливого Общества как следствия самого жёсткого порядка, явно проглядывает. И если в литературе мы будем искать и находить параллели с романом Евгения Замятина, то в реальной жизни мы будем находить совсем другие параллели с Обществом Стабильности. И здесь уж Сергей Есин явно первичен и первороден. Увы, первична и есинская модель антиутопии будущего при явном разладе государственной экономики и промышленности, при полном отказе от развития. По крайней мере, у Замятина его казарменное государство активно развивается, запускает ракеты в Космос, в Будущее, и этот пусть и тоталитарный Космизм был создан в 1920 году, в период полной разрухи!

Есинское государство Будущего, огородив себя от всего мира Лазерной стеной, внутри государства всё предельно упростило чуть ли не до Средневековья. А потому оно обречено на разрушение и забвение.

Вот такая странная антиутопия была написана Сергеем Есиным в далёком уже 1990 году. Продолжать свои антиутопии он не стал. Может, испугался собственных предсказаний.

Вроде бы Есин — один из самых книжных писателей, в его прозе можно найти отголоски и русской прозы девятнадцатого века, и европейской прозы века двадцатого. Но при этом он любую свою *книжность* переформатирует по-есински, через свою жизнь, через свои мысли, через свои дневники. Он — тончайший наблюдатель не только нашего быта, нашей социальной действительности, но и нашей культуры, нашей литературы. К примеру, вылупилась из гнезда “проза сорокалетних”, и Сергей Есин сразу же пишет “Мемуары сорокалетнего”, уже привязывая всю эту прозу к своему герою.

Зрелый Есин, уже достигший высокого мастерства, уже умеющий писать в любом стиле и на любую тему, именно уходя от своего имитатора, рванул-ся в документалистику и полудокументалистику. Это был его настоящий побег от “Имитатора” и других подобных романов.

И своего серьёзного, чисто есинского читателя (в частности, и меня) он приобрёл для чтения совсем другой, невыдуманной, филологически-дневниковой прозой. Впрочем, прозу-то он всё равно выдумывал, по-писательски дофантазируя даже в процессе писания своих знаменитых “Дневников” или романов, базирующихся на собственных воспоминаниях автора, таких как “Твербуль, или Логово вымысла”, художественно осмысливающих явление Литературного института, где он ведёт монолог и от имени студентки, подрабатывающей на панели, и от имени охранника, являющегося заодно и массажистом, и от своего имени – от имени многолетнего ректора этого уникального учебного заведения.

Таким же сумасбродным, невыдуманным, но и не совсем документальным стал и его “Сезон засолки огурцов”, посвящённый писательской жизни. Он искренне полюбил воспоминательную и даже критическую прозу, с удовольствием отвлекаясь от своих выдуманных героев и погружаясь в размышления о власти слова, о загадках русской литературы. Сам Сергей Есин считал, что эта любовь к филологической прозе пришла к нему с возрастом. Я подозреваю, что таким образом писатель блестяще сбежал от своего “Имитатора”, не желая продолжать серию имитационных, временительных, губернёрских сочинительных романов.

Пусть их любят читатели, пусть их переиздают десятки раз издатели. Да и сам Сергей Николаевич высоко ценил, к примеру, свой выдуманный роман “Затмение Марса” – о начале перестроечного времени, о ловком журналисте, пишущем одновременно и в левые, и в правые газеты. А также он ценил романы о ловком таксисте, о ловком журналисте, о ловком губернёре, обслуживающем богатых стариков и сопровождающем их на Кипр... Но ведь это всё – новые имитаторы. Ату их, ату!..

Он вполне логично пришёл к публикации своих художественных “Дневников”, сделав их главным центром своей прозы, ибо его дневниковые герои – это вполне разумное и художественно завершённое развитие его героев литературных. Завистники Сергея Есина ещё после его нашумевшего “Имитатора” называли его самого имитатором. Он в чём-то им и был, так же как был и губернёр, был женщиной, стоящей в дверях и воющей от бессилия по ночам, был временщиком, был и остаётся согладатаем, и даже – не побоюсь этого слова! – был Титаном? то бишь самим Владимиром Ильичом Лениным. Все его выдуманные и невыдуманные герои взяты из него самого, из его обширной культуры, из его логических конструкций. И отрицательные, и положительные герои несут в себе частицу самого Есина, а уж он-то сам несёт в себе десятки самых странных и замысловатых характеров.

Читатель спросит: а зачем я так рекламирую именно есинские “Дневники”?

Во-первых, хоть краткое слово о них надо сказать, чтобы понять самого писателя.

Во-вторых, “Дневники” завершают всю прозу Сергея Есина и подробно повествуют обо всех ранних романах. Хочешь понять все его ранние романы, заинтересовала тебя интрига “Эффекта близнецов” или “Затмения Марса” – обращайся к “Дневникам”.

В-третьих, как ещё можно назвать “Твербуль” или же “Сезон засолки огурцов”? И размышляя над “Дневниками”, я размышляю заодно и над этими романами, сравниваю их, стараясь установить сходство и отличия.

И в-последних: я же пишу о писателе в целом, о его жите-бытье независимо от того, что из его творений вошло в его собрание сочинений. Да и читателю, наверняка, нужен такой целостный портрет писателя. А уж выводы свои из прочитанного он сделает сам.

Пожалуй, из всех наших писателей Сергей Есин наиболее европейский писатель. Так и представляешь его где-нибудь в парижском предместье или на набережной Большого канала в Венеции что-то пописывающим, что-то подсматривающим, о чём-то не спеша беседующим. По сравнению с ним любой Владимир Маканин или Андрей Битов, а тем более Василий Аксёнов, главные наши либеральные кумиры, – отчаянные русаки, шумно спорящие, шумно пишущие, экзальтированно переживающие за весь мир. Какие они ев-

ропейцы? Вы посмотрите на крутого либерала Евгения Попова, крутого боро-датого русака из Сибири, и сравните его с европейским от головы до носков и туфель, рафинированным, высокообразованным Сергеем Есиным. Кто же из них – европеец?

При всём своём европеизме Есин умудрился стать членом редколлегии глубоко русского журнала “Наш современник” (впрочем, побывав до этого членом редколлегии самого либерального и космополитического издания “Знамя”), регулярно печатается в газетах “Завтра” и “День литературы”. Что этого европейца притягивает в наших отчаянно русских изданиях? Может быть, как раз тот русский простор и русская воля, которых не хватает деликатным европейцам? Именно из русской среды он берёт своих героев, и того же имитатора, сделавшего себе репутацию на писании портретов больших начальников, и того же гувернёра, сопровождающего богатых стариков на Кипр, и русских туристов, отдыхающих в Хургаде, и русских писателей, приезжающих учиться в немецкий Марбург. Да и свой собственный образ берёт он из своей же русской среды и ставит в центр своих “Дневников”.

Сергея Есина надо включать от “Нашего современника” во все культурные делегации, отправлять на все фестивали, пусть смотрят наши эстеты на представителя якобы лапотного домотканого кособокого журнала для русских леших. Любой Чупринин рядом с ним выглядит архангельским провинциалом.

Он и в самом деле Мастер слова, мастер сюжета, мастер композиции, мастер типажа. Такого мастерства, такой культуры частенько не хватает иным нашим стихийным высокоталантливым русским писателям, надеющимся на русское “авось”. К тому же Сергей Есин – культурный мастер. Такой, какой и окаёмочку к роману сделает с блеском, и окантовочку, и цитату поставит, куда надо.

Пожалуй, такими же европейцами были лишь Евгений Замятин и Владимир Набоков в XX веке. Больше и назвать из русских писателей некого. Отсюда и его “инаковость” во всём. Впрочем, он её и не скрывает. “Я думаю, что несмотря на моё абсолютно русское – а впрочем, кто чего знает? – происхождение, я бы тоже оказался инаковым...” Он таким и оказался.

В каком-то смысле меня даже удивило в своё время, что журнал “Наш современник” взялся публиковать его повесть “Стоящая в дверях”. Это чисто есинская повесть и по стилистике, и по сюжету. Я понимаю, что привлék автор своими жёсткими социальными наблюдениями за жизнью “новых русских”, впервые изображёнными типажам героев ельцинского режима, теми, кто готов уже был урвать из ломавшегося государства всё, что можно. Видно, как корёжит героиню повести, некую Людмилу Ивановну, сотрудницу одной из либеральных газет (за которой просматривается “Литературка” ещё тех либеральных, первоперестроечных времён), попытка героев ГКЧП остановить разгром державы, как искренне ненавидит она всех сторонников советской власти. Это была разоблачительная повесть, потому и не понравившаяся ни Валентину Осколку, ни Евгении Щегловой, разгромившей повесть в “Литературке”. Потому и напечатали радостно её в журнале “Наш современник”. Но по стилю, по мотивации и сюжетности, конечно же, повесть выпадала из типичной прозы “Нашего современника”. Уже даже явно, с подчёркнутой изысканностью написанная, с московской интеллигентностью да ещё и от имени женщины средних лет со всеми её эротическими переживаниями. Думаю, редакторы журнала немало размышляли: по социальной проблематике, по остроте поставленных проблем, по разоблачительной сатире ельцинского режима и его лизоблюдов это было прямое попадание **в яблочко**. Ну, а уж есинское мастерство перевоплощения, его метафизичность и театральность, яркую акварельность манеры простили мастеру. Тем более так современно звучит начало повести: “Писатели, как известно, – это граждане, которые в основном выступают по телевидению. Конечно, иногда они и что-то пишут, но кого, собственно, интересуют их скучные и монотонные писания, когда даже самый сногшибательный роман можно во многих телевизионных сериях просмотреть по волшебным волнам голубого эфира?...” Её героиня так и простоит в дверях, в соплях и восторгах от перестройки, пока сама не окажется не у дел во всех смыслах. Как оказалась не у дел и вся перестроечная интеллигенция времён 1991 года, молившаяся на кумира Ельцина и его подголосков. Но Сергей Есин и при описании этих либеральных процессов, этих восторженно-поверхностных героев не перешёл к лубочной или грубовато-социальной манере

письма, даже едкая и убийственная сатира в адрес ельцинского режима выдержана у него в европейском изысканном стиле. Герои страдают от собственного бессилия. “Когда все в квартире угомонились, Людмила Ивановна легла в свою постель, накрыла голову подушкой и тут сделала то, о чём мечтала ещё с утра, с собрания, нет, с того часа, когда Казбек ей объявил, что он уходит от неё к сыну Султанчику и его маме, – Людмила Ивановна всласть и во всё горло завывала...”

Вот и пришёл конец всем перестроечным мечтаниям и о якобы романтическом кавказце, и о счастливой дочери, и о своей судьбе...

Сергей Есин выдерживает свой европейский стиль во всём, от письма, от названия книг до размеренного спокойного стиля лекций и выступлений, от всегда выдержанного стиля в одежде до деликатности в самых жарких полемиках. При первом знакомстве почти у любого возникает предположение, что Есин из очень интеллигентной, а то и из аристократической семьи – откуда-то возник же этот культурный есинский стиль? Оказалось, из его глубоких крестьянских корней. Как пишет он сам: “У меня крестьянская, рабочая семья. По линии матери – глубокие, глубокие крестьяне. По линии отца всё несколько туманнее. Его мать, а моя вторая бабушка была из семьи владельцев хлебных ссыпок на Северном Кавказе. Тем не менее мой отец, Николай Михайлович, оказался в четырёхнадцать лет в революции...”

Родился Сергей Николаевич Есин в 1935 году в Москве, в семье военного прокурора. Как всегда бывало в те времена и в таких семьях, не обошлось и без репрессий: сначала в 1937 году арестовали его деда-железнодорожника, уже в годы войны, в 1943 году попал в лагеря и отец, военный прокурор. Как рассказывает сам писатель: “В сорок первом году он стоял с револьвером на Заставе Ильича, когда было бегство из Москвы. И, по преданию семейному, остановил несколько машин, которые останавливать было нельзя. Поэтому его через два года убрали. Отец попал в лагерь, а прокуроры, как известно, в лагерях не живут. На него пошли. Отец взял того человека поперёк туловища и ударил головой о шконку...”

Жили, как и все в те годы, голодно и холодно, но с большой мечтой за пазухой. Такая мечта была и у маленького Сергея. Мечтал стать писателем. “У меня был такой угол между письменным столом и этажеркой. И вот в этот угол я повесил портретики из “Огонька” – лауреатов Сталинской премии. И купил какой-то цветочек в горшочке. У меня там был детский столик. Я цветочек поставил на этот столик. И сел играть в писателя...” Вот так до сих пор и играет. И ведь правильно про себя написал, он и впрямь по-серьёзному всю жизнь играет в литературу. Игра в жизни и игра в искусстве. Можно ли писать сильную прозу без игры? Очевидно, есть великие писатели, всё всегда делающие всерьёз. К примеру, Александр Солженицын. Но и Александр Проханов, и Эдуард Лимонов, и Захар Прилепин, и наш Сергей Есин, как в своё время и Александр Пушкин, и Михаил Лермонтов, без игры точно не могли и не могут.

Играл, когда учился в Московском университете, когда попал в литобъединение к Павлу Антокольскому, когда работал в кино, в театре, в Художественном фонде. Вот и доигрался до “Имитатора”, где искусствоведы ни одной искусствоведческой ошибки не нашли. Значит, хорошо играл в Художественном фонде, общаясь с художниками.

Его дневниковая проза – это тоже игра с читателем. Сергею Есину надоело отдавать весь свой дар тончайшего наблюдателя своим не очень любимым героям, и он сам стал в своей зрелой поздней совершенной прозе главным её героем.

Кто-то поморщится: излишнее честолюбие. Но писателя без честолюбия вообще не бывает. Если уж ты замахнулся на создание своей вселенной, то и величие замысла должно ей соответствовать.

“Дневники” свои Сергей Есин издаёт регулярно, в них дотошно описывает свою жизнь на фоне русского общества, и жизнь русского общества в фокусе зоркого наблюдателя. “Дневники” пишутся дерзко и откровенно, как и положено дневникам, которые пишутся для самого себя. Этские одиночные исповеди. Но, конечно же, эти “Дневники” изначально написаны с учётом широкого читателя, это своеобразный роман всей его жизни с реальными и в то же время выдуманскими героями. Написано всё абсолютно искренне, как пишется любая хорошая проза, но в этих “Дневниках” автор не столько разбирается

с собой и со своими ощущениями людей и событий, сколько вовлекает в этот разбор своих читателей. И тут уж все упоминаемые автором живые и известные лица превращаются и в имитаторов, и в *соглядатаев*, и в *губернёров*...

Может быть, поэтому, несмотря на иногда предельную жёсткость оценок, ни изданные “Дневники”, ни сам автор не встречали отпора и неприятия конкретных, подсмотренных им в жизни персонажей. Те, к счастью, понимали какую-то потусторонность якобы своего изображения. Я и сам не раз становился таким полуотрицательным героем его “Дневников”. Вот, к примеру, один из пассажей: “Абзац с этой интересной мыслью начинается с панегирика статье Володи Бондаренко. Я хорошо с ним знаком, и, наверное, статья интересная, но Володю я уже несколько лет не читаю. Он, кстати, давний выпускник Литя. Он такой разный, такой бескорыстный и такой расчётливый, что теряюсь и не знаю, каким акцентам из его высказываний верить. Я также не уверен в его врагах...”

Если всерьёз поверить этому высказыванию, то я могу в своём предисловии писать всё, что угодно, всё равно Сергей Есин меня не читает. С другой стороны, интересно написать и посмотреть, каким же акцентам из моих суждений о писателе Сергее Есине он поверит. И если он доверил мне писать предисловие к собранию его сочинений, значит, тот “дневниковый” Володя Бондаренко – слегка вымышленный герой. Вот этим проза Есина и интересна – соединением откровенного вымысла с дерзкими высказываниями писателя о своих братьях. Это нечто подобное поздней прозе Валентина Катаева, его откровенному автобиографическому повествованию “Алмазный мой венец”. Но старый мастер хоть прикрывал своих героев слегка вымышленными, легко узнаваемыми, но псевдонимами. У полувымышленной прозы Сергея Есина все герои носят свои имена. И, переходя от его условно художественной прозы, скажем, романа “Маркиз”, к условно “дневниковым” записям, умный критик любого направления, от упомянутого здесь, часто нелюбимого Сергея Чуприна до Валентина Курбатова, от Павла Басинского до Капитолины Кокшенёвой, в конце концов, поймёт условность самого перехода от дневников к прозе и обратно. Критиков – любых! – Сергей Есин традиционно недолюбливает. И может быть, за дело. Серьёзные критики – и левые, и правые – его почти не замечали. Не попадал он в их послужной список, разве что впроброс, между делом. А зря.

Очень любопытный феномен в русской литературе XX века. Впрочем, автор сам так хорошо и добротнo анализирует свои произведения, что критику часто уже нечего делать. Вот и раздаются в его сторону разные недобрые реплики. Как правило, незаслуженные.

К перечню есинских типажей я бы ещё отнёс один, чисто есинский, – *стилизатор*. Он и сам стилист замечательный, и умело стилизует свою прозу в любой манере. Я с упоением, к примеру, читал его умный двухслойный роман “Марбург” – о зарубежной поездке русского филолога в немецкий старинный город. Конечно, там в центре повествования находится и сам автор, и его любимая и смертельно больная жена, и даже его любимая собака, и мне было интересно читать просто о них, без всяких выдумок и додумок. Но уж если герой летит в Марбург, то куда уйти автору от своих знаний об этом немецком центре науки, куда уйти ему от моего холмогорского земляка Михайлы Ломоносова, который учился в Марбурге, и от Бориса Пастернака, который тоже учился в Марбурге?.. Разное время, разные русские великие поэты, вот уж где можно разгуляться изощрённому стилизатору! К тому же и два направления, два стиля как бы соприкасаются друг с другом: кондовый русский глыбастый державник восемнадцатого века и весьма либеральный космополитический поэт века двадцатого...

Роман “Марбург” я бы назвал вторым знаковым произведением писателя Сергея Есина: предельно выдуманный “Имитатор” и предельно достоверный “Марбург”.

Пусть чуть прикрыты псевдонимами и сам Есин, главный герой романа, ставший филологом, профессором Алексеем, и жена его, смертельно больная, ставшая по воле автора оперной певицей Саломеей. На самом деле это всё та же, предельно откровенная “Исповедь” Руссо. Всё-таки я ценю её выше всех дневниковых томов. И пусть “Дневники” его становятся историей всего нашего времени для историков и настоящего, и будущего. Я – не историк, а литературный критик. Предпочитаю “Марбург”. Это обязательное форматирование

в виде лаконичного романа, эти тысячелетние каноны, как в иконописи, от которых и отступить нельзя. Есть начало, есть композиция, есть стройный сюжет, есть финал. И жизнь героев становится уже твоей жизнью. Ты переживаешь с ними, болеешь с ними, страдаешь с ними. При этом никуда не уходит и документализм, не уходит и чистая филология. И что бы ни писали его лютые недоброжелатели о его мнимой учёности, прочитав в “Марбурге” блестящие главы и о поэте XX века Борисе Пастернаке, и о поэте века XVIII Михаиле Ломоносове, я готов ещё раз присудить автору докторскую степень. Заслужил.

Тем и привлекает роман “Марбург” знакомых с русской культурой людей: органичным соединением филологической культуры автора с его меткими социальными наблюдениями над жизнью России и Германии. И трагической любовью двух главных героев, одна из которых неизлечимо больна, терпеливо страдает и думает, как бы избавить от страданий мужа, а второй, помимо своих профессорских занятий, лекций о Ломоносове и Пастернаке, ещё и ежедневно, как может, спасает свою жену – лекарствами, лечением, заботой. Я как-то совсем по-другому после чтения этого романа увидел Сергея Есина, зауважал его как человека. Знать-то мы все, литераторы, что-то об этом знали. Но так детально и прочувствованно, так по-человечески жалостливо и сострадальчески описать больную жену и тяготы её ежедневного существования, описать их великую любовь – для этого надо быть не просто мастером письма, для этого надо и в самом деле так любить свою вторую половину!..

Своеобразным продолжением “Марбурга” стала последняя книга Сергея Есина “Валентина”, посвящённая его умершей жене. Но там господствует поминальный тон, там идут воспоминания и ностальгические признания стареющего писателя. Это, скорее, его память, памятник, сотворённый в издательстве “Академика”. В “Марбурге” перед читателями предстают два живых страдающих, страстных сильных героя, не вспоминаемый, а живой и мощный женский характер, подчиняющий себе чересчур умного мужа-профессора. К тому же это чисто русский характер, из тех, что “коня на скаку остановит...” Автор и сострадает любимой, и любит свою живую героиню.

И на фоне этого сплетения-переплетения двух человеческих судеб, этой обнажённости чувств и эмоций лишь филологической, культурологической поддержкой полураздавленному всеми своими проблемами главному герою становится и командировка в древний немецкий учёный город Марбург, где когда-то в разное время учились и Михайло Ломоносов, поморский богатырь, создавший всю русскую науку (да и литературу тоже), и еврейский чувствительный интеллигент, ставший великим русским поэтом Борис Пастернак, и все тонкие и точные рассуждения нашего героя об их великих судьбах. Думаю, это похоже на то, как в трагические моменты человек для снятия излишнего напряжения с головой погружается в музыку Моцарта или Бетховена, или даже в джазовые рапсодии Дюка Эллингтона.

Вот так и Марбург с его великими русскими литературными героями, с классическим ломоносовским стихом “На взятие Хотина” и с не менее классическим стихом Пастернака “Марбург” (оба стихотворения написаны в Марбурге) становится отдушиной для главного героя. Не о немецком городе этот роман и не о русских гениях, хотя и о них тоже. Это же как интересно, раз уж подвернулась такая командировка, сравнить эпическую величавую поэзию Ломоносова, его дерзостную державную судьбу и лирическую поэзию Пастернака (“...а в Марбурге / Кто, громко свища, мастерил самострел, / Кто молча готовился к Троицкой ярмарке”), его поначалу благополучную, затем тревожную, и впрямь “самострельную” судьбу, а через них – и всё движение русской литературы от Ломоносова до Пастернака (далее-то пока ничего переломного и не было!). И сколько же раскидано по Европе таких городов с русским прошлым: от Венеции до Вены, от Парижа до Марбурга...

Думаю, со временем Сергей Есин станет почётным гражданином этого города. Глядишь, появится там и улица его имени. Роман будет переиздаваться, рано или поздно доползёт и до Германии. И наверняка полюбит марбургским немцам. А через немецко-писательский фон они и до судеб главных героев доберутся. Понравится им и немецкая дотошность во всех описаниях: улиц и людей, снадобий и закусок, долгой любви и тяжёлой болезни. И конечно, не любовь к царям и государям объединяет Ломоносова и Пастернака, а их общее, хоть и с разницей во времени, пребывание в Марбурге, их принадлежность к великой русской поэзии.

Можно ведь и впрямь было Сергею Есину остаться в Марбурге навсегда, как предлагала его больная жена, готовая лечь в богадельню для бывших актрис. Но не было бы тогда ни романа “Марбург”, ни писателя Есина, каким мы его любим и знаем, не было бы и напряжённого, на всю жизнь, любовного романа...

В своей беседе с писателем я спросил Сергея о романе: “В “Марбурге”, конечно же, увидят тебя самого и твои старческие стенания, рефлексию, постоянные мысли о смерти. Тем более, что они в романе и в самом деле плавленствуют. Это твой итоговый роман, и самый рефлексивный. Подводя итоги, ты сам же спрашиваешь: зачем всё это? И нужна ли эта жизнь с её вечными проблемами и переживаниями? Не легче ли умереть?”

Есин ответил: “Смерть меня привлекала всегда... Если ты не задумался о смерти, значит, этот день для тебя прошёл даром. Первая часть романа “Марбург” биографична, но только по фактуре. А выполняется она совсем другим, крайне обобщённым смыслом. И потому ссылки на меня бесполезны. А сейчас я пишу очень озорной роман. Героем романа будет Литературный институт. Заранее жду увидеть постные и обиженные лица, не понимающие, что роман-то не о них, а о людях вообще. Так и “Марбург” возник из моих постоянных поездок в этот город, с которым мы дружим институтами. Встречи, совещания, симпозиумы, а художественный-то материал копится. Писательство — это же физиологическое состояние. Разбух этот художественный материал, прорвало, я и придумал сразу какой-то сюжет... Люблю героев своего последнего романа “Марбург”: и Ломоносова, и Пастернака, и жену профессора Новикова. Безумно люблю собаку, которая была списана с моей. Увы, она умерла, не успев прочитать о себе”.

Может быть, из всех документальных произведений Сергея Есина я ценю больше всего этот роман ещё и потому, что он далёк от писательских мелочей, которыми иногда перегружены “Дневники”. И потому, что писатель не перегружает документальный роман ненужным, излишним, на мой взгляд, вымыслом, как у него случилось, к примеру, в “Маркизе”, где покойный француз маркиз Астольф де Кюстин, автор легендарных заметок о России 1839 года, вновь появляется в России в наши дни и ведёт нас уже по кругам нашего русского ада образца 2007 года.

Я бы предпочёл обойтись прямой есинской публицистикой, какой бы дерзкой она ни была. К сожалению, на этот раз маркиз не ожил, и мы получили достаточно верное описание нравов и порядков современной России, приглушённое присутствием чересчур книжного выдуманного маркиза.

Тут уж я предпочту новые “Дневники” 2009 года, написанные с неподдельной, живой интонацией, или же предельно искреннюю его книгу, довольно неожиданную для нашего времени, — о Владимире Ильиче Ленине “Смерть титана”.

В чём коренное отличие автобиографических книг Есина от книг, к примеру, Эдуарда Лимонова, тоже описывающих его собственную жизнь? Может быть, на сегодня это два наших наиболее талантливых художественных документалиста. Есин точно и зримо, с присущей ему детализировкой описывает мир вокруг себя, и это мир российской интеллигенции. Вот это и объединяет и выдуманную, и документальную прозу писателя — мир интеллигенции. У Лимонова интеллигентов почти нет — солдаты, тюремщики, работяги, революционеры и бунтари. Их миры почти не соприкасаются. Да и самого Эдуарда Лимонова трудно представить в образе профессора Литературного института. Так же как трудно представить профессора и эстета Сергея Есина где-нибудь в окопе или в тюремной камере.

Хотя, увеличивая масштаб, обнаруживаем их схожесть. Оба они и в жизни своей, и в прозе своей — русские государственники. Да и мужество своё Сергей Есин проявлял не один раз в самые тревожные для государства моменты: и в 1991-м, и в 1993-м, и в 1996 году. Помню, когда Пётр Палиевский, будучи чиновником Института мировой литературы, побоялся в 1993 году дать положительный отзыв на мою статью в газете “День”, из-за которой в ельцинское лихолетье на меня и газету возбуждали уголовное дело (его до сих пор стараются многие оправдать, мол, спасал безопасность ИМЛИ!), Сергей Есин, будучи ректором Литературного института, спокойно подписал такой отзыв и тем самым спас и газету “День” от закрытия, и меня от ареста. Впрочем, позже я как-то упрекнул писателя в излишней осторожности в прессе,

на что Сергей Есин вполне справедливо ответил в своих “Дневниках” за 1998 год: “Володя Бондаренко только забыл, что Сергей Есин – единственный среди многочисленных свободных патриотов государственный чиновник. И не боится из-за выступлений это маршальское место потерять <...> Я всё-таки из тех, кого возьмёт себе любой лагерь. Я сам выбрал себе путь и свою судьбу, в том числе литературную. Я знал, что в том, демократическом лагере, где есть, конечно, и первоклассные писатели, такие как Василь Быков и Астафьев, в этом лагере мне было бы денежнее, престижней, свободней. Но я сделал свой выбор. А вот понимают ли мои коллеги по протесту, что в отличие от большинства из них каждое моё слово вредит мне” (С. Есин. На рубеже веков. М., 2002).

Сделаю небольшое отступление. Есин абсолютно прав в своих замечаниях. В наше время (как, впрочем, и почти в любое другое) в России писателю и в самом деле выгоднее, престижнее, вольготнее оказаться в либеральном, прозападном лагере. Тут и Запад поддержит всегда, и свои в обиду не дадут, и большинство чиновников, раболепствуя в душе перед Западом, скорее всего, западника и русофоба защитят, пошлют его на очередную международную ярмарку, как посылали много лет подряд швейцарца Михаила Шишкина, пока не напоролись на его протест.

И когда такие писатели, как Сергей Есин или Захар Прилепин, несмотря на все выгоды либерализма, тянутся в национальную русскую литературу, значит, душа заставляет их так поступать. Иногда иные наши государственники не хотят этого понимать и готовы любую художественную широту толковать как измену России.

Вот и скептическое отношение наших критиков к писателю Сергею Есину тоже часто того же свойства. Никаких художественных или литературоведческих претензий к нему нет, но, мол, больно много он себе позволяет.

А талантливый русский писатель и должен себе позволять очень много. Даже то, что он позволяет себе печатать свои “Дневники”, часто осуждают. А вы напишите лучше! Иногда надоедают (особенно читателям-мужчинам) житейские мелочи, но вдруг из этих мелочей вырисовывается смелая и дерзкая позиция автора. Более того, из мелочей вырисовывается вся наша угрюмая российская действительность, трудная, но в то же время родная, не чета марбургской или венецианской. Если, читатель, вы не хотите переезжать во Флориду или в Ниццу, беритесь за есинские “Дневники” – окунётесь в свою жизнь...

Иные критики удивлялись, зачем писатель так подставляется в “Дневниках”, демонстрируя себя не всегда с лучшей стороны. Впрочем, это тоже литературный приём. Писатель пишет для читателя, хочет достичь нужного эффекта. И добивается его всеми средствами. Писатель признаётся: “Я – Стрелец. Механическая гадалка, выдавшая мне за доллар или два гороскоп в Нью-Йорке, утверждала, что в моём характере есть авантюрист и исследователь, боец и писатель”.

Так и есть. И хороший авантюризм есть в его “Дневниках”, и талант исследователя присутствует в “Марбурге”, или во “Власти слова” – боец, – конечно, не окопный, но литературный, – опытный и жёсткий, смелый и дерзкий. А талант писателя объединяет всё это вместе.

Сначала писатель считал “Дневники” как бы черновиком своей прозы, проверкой мысли и сюжетов, потом они стали собственно прозой. Он исследует сам феномен интеллигенции со всех сторон и на самых живых и конкретных примерах. В его *выдуманной* прозе господствует тема предательства интеллигенции, в реальных “Дневниках” о предательстве напрямую не говорится, но и идеализации не предвидится, даже в описании друзей и коллег по работе. Нет и прямой политической позиции, за что его не раз упрекали его соратники-патриоты. Он, действительно, в разные моменты своей жизни, как и герой его романа, был то правым, то левым. Но это, скорее, по отношению к литературе: в борьбе девяностых годов его позиция была однозначна. Можно только удивляться, как он удержался на посту ректора Литинститута, особенно в дни расстрела Дома Советов в 1993 году.

Он и в самом деле пишет с молодой энергией. Даже ошибается с молодой энергией. И весело описывает свои ошибки в дневниковой прозе. Но если описаны уже десятки ошибок, это тоже становится блестящим литературным приёмом. Проза ошибок. Проза бессмертной любви. Проза мужского

одинокости. Бесстрашная проза. Проза об интеллигенции, написанная законченным интеллигентом. Нынче это – уходящая натура во всех смыслах. Тем более важен опыт самоидентификации и обобщения.

Подводя предварительные итоги, Сергей Есин признаётся: “Но всё-таки, может быть, самое главное, что я написал – это “Дневники”. И третье: я полагаю, что мои романы ещё не прочитаны. Я абсолютно уверен, что нашу эпоху будут изучать по тому, что я написал... (улыбается)...”

Сергей Есин из тех писателей, которые всю жизнь работают, заняты конкретным делом, а уж в свободное время пишут свою прозу. Конечно, такое деление жизни на две или три части усложняет писание романов, но приносит и реальную пользу. В беседе со мной Сергей Есин сказал: “Володя, помнишь знаменитое высказывание Сомерсета Моэма: “Не бросайте работу – лучшего наблюдательного пункта вы никогда не найдёте”. Это хороший наблюдательный пункт. Жизнь даётся один раз, надо очень точно ею распорядиться. В какие-то моменты у меня были фантастические сбои. Лет пять я писал какие-то монографии, увлёкся педагогической деятельностью, к которой склонен. В научном плане я тоже человек писучий. Готические замки романов ушли в сторону, надо было приводить в порядок институт. Бороться за здание, за землю. В это же время я писал роман о Ленине. Я ценю этот роман. Несправедливость всегда действует на писателя. Ленин оказался самой обиженной фигурой в советской истории. С ним поступили так же, как раньше поступали с царями. Николай Первый – только Палкин. Александр Третий – пьяница. Николай Второй – слабак, сдал государство. Вот так же презрительно стали писать о Ленине. В знак протеста я взялся за свой роман. Роман писался трудно, конечно, мешал институт. Работы много, возвращался домой усталым. Не до вымысла. Но роман дописал, и взялся за дневники, которые тоже меня безумно увлекли...”

Вот это и есть гордость писателя Сергея Есина. Гордость, что назло всем антисоветчикам он не порвал с ленинской темой, подобно сотне ленинских летописцев. Своему приятелю он признавался в начале 2000-х годов: “Я ведь и за Ленина сегодня взялся по той же самой причине; когда я писал о нём раньше, я противопоставлял его духовный аскетизм, его аскетическую жизнь жизни сегодняшних вождей; когда я написал роман сегодня, я хотел сказать о том, как быстрые демократы погубили неплохую идею” (“День литературы”, 2003, № 4).

Роман о Ленине написан от первого лица. То есть Сергей Есин взял на себя смелость стать на время Лениным, чтобы понять его психологию. И ему это во многом удалось.

Вообще-то Сергея Есина надо считать удачливым писателем. Он состоялся. Русский европеец Сергей Есин достойно вошёл в литературу XX века. Достойно продолжает трудиться в новом столетии. Его всегда интересно читать образованному читателю.